

От автора

Чтобы получить удовольствие от романа «Влюбиться в Кэлвина», вам необязательно читать предыдущие три книги серии — «Найти Кайлера», «Потерять Кайлера», «Удержать Кайлера», но я настоятельно рекомендую сделать это, потому что именно в этих книгах вы впервые знакомитесь с двумя главными и несколькими второстепенными персонажами настоящего произведения.

Я хотела создать роман таким образом, чтобы не возникало никакой путаницы ни у тех читателей, кто уже знаком с книгами этой серии, ни у тех, кому только предстоит это знакомство. События пролога происходят в утро судебного заседания (книга «Потерять Кайлера»), состоявшегося пятнадцатого ноября, а затем основная история разворачивается спустя одиннадцать месяцев после этого события или спустя три месяца после событий эпилога в книге «Найти Кайлера».

Встретившись с Ланой и Кэлвином, мы обнаружим, что они оба учатся в Университете Флориды и уже оставили за плечами два месяца первого курса.

ПРОЛОГ

Судебное заседание в ноябре

Лана

Я привыкла считать себя порядочным человеком. Добрая, почти бескорыстная, с представлениями о морали и открытым сердцем.

Но, похоже, я ошибалась.

Потому что добрый, бескорыстный человек с открытым сердцем не стал бы поступать так, как действовала я последние несколько месяцев.

Порядочный человек не продолжил бы врать.

Порядочный человек не стал бы обвинять в столь ужасном деянии единственного парня, который когда-либо что-то для него значил.

— Лана, через полчаса мы должны выехать, чтобы наверняка припарковаться у здания суда, — говорит мама, просунув голову в дверной проем. Она разместила нас в номере со смежными комнатами, потому что в последнее время боялась выпускать меня из виду.

Я поднимаю взгляд от стола, грызя кончик ручки.

— Хорошо, я буду готова.

Ее выразительные карие глаза, так похожие на мои, скользят по лежащему передо мной исписанному листку. Выпрямившись, она смотрит на меня осуждающим взглядом.

— Что ты делаешь?

— Пишу письмо Фэй, — лгу я с уверенностью опытного обманщика. В последнее время ложь слетала с моего языка так же легко, как соскальзывает с ножа кусок теплого сливочного масла.

Я была мошенницей и не могла ненавидеть себя еще больше, даже если бы захотела.

Я сглатываю болезненный комок, вставший в горле, и одариваю маму прохладной улыбкой.

— Зачем? Ты ничем не обязана этой девушке. — Ее губы сжимаются в тонкую линию.

— Не начинай, мам, — качаю я головой. — Она была моей подругой, и я должна объясниться перед ней.

— Позволь не согласиться, — мама скрещивает руки на груди, — сегодня будут озвучены все объяснения. Как только ты дашь показания, она сразу поймет, почему ты уехала, не прояснив ситуацию. Это было лучшим решением. Оставь все как есть, дорогая.

Тошнота подступает к горлу, я сильно сомневаюсь, что справлюсь сегодня без мотивирующего толчка. Можно продолжать спорить с ней, но тогда я не успею закончить письмо. А оно слишком важное, чтобы делать это в спешке.

— Мам, пожалуйста. Я не хочу ссориться. Не сегодня. Я допишу письмо своей подруге, а потом надену костюм, — машу я рукой в сторону черного бесформенного монстра, которого она положила мне на кровать. — Встретимся в фойе перед отъездом.

Определенно уловив решимость в моем тоне и выражении лица, мама отступает.

— Я тоже не хочу ссориться, милая. Знаю, как тяжело сегодня будет. Оставляю тебя спокойно дописывать письмо. — Она тихо закрывает за собой дверь.

Я обмякла в кресле и шумно выдыхаю.

Да, сегодня будет тяжело.

Но не по той причине, о которой думает мама.

Отбросив эти мысли, я решаю сосредоточиться на стоящей передо мной сейчас задаче и смотрю на грудку скомканных листов в мусорной корзине — свидетельство моего сказочного провала. Могло показаться убогим то, что мне, страстно желавшей стать писательницей, настолько сложно подобрать слова и объяснить парню, которого люблю, как сильно я сожалею.

Я знала его вдоль и поперек, так что дело не казалось сложным. Это должно идти от самого сердца. Пара пустяков, не так ли?

Так почему же это самая сложная вещь, которую мне приходилось делать?

Окинув взглядом наполовину исписанный лист, я с хмурым видом придирчиво изучаю свою послед-

нюю попытку. Разочарованная, комкаю лист и швыряю его через комнату.

Ох. Упершись локтями в стол, я роняю голову на руки и закрываю глаза. Его красивое лицо навязчиво маячит перед моим внутренним взором, и острая боль снова пронзает сердце.

Боже, я так по нему скучаю! Не была уверена, что мне хватит сил сделать это.

Проблема выеденного яйца не стоит.

Я могу написать письмо, но *не хочу*.

Вот что мне мешает.

Хотя я знаю, что все к лучшему, романтическая, тоскующая по прошлому часть меня все еще считает Кэлвина Кеннеди своим прекрасным принцем. Своим единственным и неповторимым. Своим будущим.

Проблема навязчивого видения не в Кэле. Не только в нем. Впрочем, я уверена, что теперь Кэл меня ненавидит, и я сама виновата.

Я во всем виновата.

Хотела бы я, чтобы все было по-другому.

Хотела бы переписать нашу историю, но увы. Ничего нельзя исправить, пути назад нет.

На меня вновь накатила уже ставшая привычной паника. Я глубоко вдохнула. Вдох, выдох. Напомнила себе, что поступаю правильно и со всем справлюсь.

Я сильная.

Должна такой быть.

Я потеряла переносицу, взяв ручку и чистый лист бумаги. Покосилась на часы. Сейчас или никогда.

Кэл,

это письмо — самая сложная вещь, которую мне пришлось сделать в жизни.

Не думала, что наступит время, когда слова станут преградой между нами. Извинения редко выглядят так неуместно, как сейчас. Я могла бы заполнить всю страницу извинениями, строчка за строчкой, но это ни на йоту не приблизило бы меня к искуплению того, что я сделала. И я не пойду этим путем. Просто знай, что не существует таких слов, которые могли бы выразить, как искренне я сожалею.

Не думаю, что настанет день, когда ты перестанешь владеть моим разумом, потому что ты живешь в нем — в моих мыслях и моих мечтах. Иногда в кошмарах.

Я думаю только о тебе, даже когда изо всех сил стараюсь забыть.

Даже сейчас, после всех обид и причиненной боли, я безумно тебя люблю.

Вероятно, даже слишком для своего возраста. Я верила: это потому, что мы созданы друг для друга. Потому что у нас была особенная любовь, которую многие люди никогда в жизни не встречают. А теперь мне интересно: что, если все как раз наоборот? Что, если нам суждено было сойтись, чтобы открыть разрушающую силу любви?

Ты всегда был моим светом и тьмой.

Солнцем и тенью.

Силой и слабостью.

Ты раскрывал мои лучшие и худшие стороны.

Твой постоянный отказ на протяжении долгих лет ранил меня куда больше, чем ты можешь представить. Но и это было ничто по сравнению с болью, которую пришлось пережить, когда Эддисон показала мне то видео.

Было больно, Кэл. Было очень больно.

Я никогда раньше не испытывала такую сокрушающую боль. Даже в тот первый раз, когда ты отмахнулся от меня, и я думала, что хочу умереть.

Это не оправдание моему поведению, и я не хочу представить все в подобном свете — лишь констатирую факты, чтобы ты попытался понять, куда уходят корни произошедшего.

Я прокручивала эти события в голове снова и снова целыми днями, и мне тяжело связать свои действия с тем, какой я себя знаю. Как будто в моем теле поселилась незнакомка, и я отдала ей полный контроль над собой. Невыносимая боль ослепила, разделила меня с собственными душой и сердцем, и я поверила тому, кто манипулировал мной. Я должна была догадаться. Но не догадалась.

Я переписывала это письмо сотни раз, и было весьма заманчиво утаить самый важный факт. Но без откровенности оно стало бы бессмысленным. Я знала, что тебе будет боль-

но. И я хотела, чтобы тебе было невыносимо больно, как и мне.

Ну вот. Я сказала это. Теперь ты наверняка знаешь, какая я мерзкая.

Теперь я уже не думаю так, и мне стыдно, что я повела себя опрометчиво, что причинила так много боли, но я не могу исправить того, что сделала. Могу только попытаться возместить ущерб и надеяться, что однажды, со временем, ты найдешь в своем сердце силы, чтобы простить меня. Потому что мысль о том, что ты будешь ненавидеть меня до конца своих дней, гораздо хуже перспективы прожить собственную жизнь без тебя.

Мама заявляет, что я старомодна. Может быть, именно поэтому я всегда была так уверена в нас. Поэтому наш возраст не имел значения. Поэтому казалось, что моя любовь возвращена десятилетиями, а не годами. Возможно, эта любовь защищала меня от столкновения с реальностью.

Нам не суждено быть вместе.

Я никогда не стану жалеть о времени, проведенном с тобой. Драгоценные детские воспоминания не останутся очерченными в моей памяти, но то будущее, о котором мы мечтали, будучи детьми, было всего лишь плодом безудержного воображения.

Так и должно было случиться. В противном случае мы бы не закончили все подобным образом.

Предательские слезы подступают к глазам и катятся по моему лицу как в замедленной съемке. Капля падает на страницу, слегка размыв чернила. Я вытираю их большими пальцами, смотрю на часы и продолжаю писать, пока у меня еще есть время и не сдали нервы.

Я люблю тебя. Всегда любила и всегда буду, но я отпускаю тебя. Так лучше для всех.

Мечтай по-крупному, Кэл. Ты создан для великих дел.

Не ищи меня.

Если я когда-либо была тебе дорога, ты сделаешь это для меня. Ты будешь держаться подальше. Оставь прошлое в прошлом и представь, что меня никогда не существовало.

Но хочу, чтобы ты запомнил: ты единственный парень, которому достался кусочек моего сердца, и он твой навсегда. Я никогда тебя не забуду.

Будь счастлив.

Лана.

Слезы вернулись, как только я сложила лист, вложила в конверт и надписала его имя. Еще несколько скупых капель падает на пол, когда я переодеваюсь

из пижамы в строгий, черный, как смоль, костюм с юбкой. Застегиваю все пуговицы на белоснежной рубашке по самую шею, надеваю балетки. Надежно спрятав письмо во внутренний карман пиджака, я клянусь себе, что найду способ передать его Фэй до конца дня. Уверена, она единственная, кто сможет отдать конверт ему.

Я собираю свои длинные темные волосы в тугий хвост и перед выходом бросаю последний взгляд на отражение в зеркале.

Выгляжу так, будто собираюсь на собственные похороны.

Ирония заключается в том, что именно так я себя и чувствовала, покидая номер в отеле в последний раз.

ГЛАВА 1

Октябрь следующего года *Лана*

Голова гудит, и мне хорошо. Прекрасное ощущение.
Я действительно это делаю.

Сунув свою бутылку пива Оливии, я на непослушных ногах направляюсь к бару, полная решимости как следует расслабиться. Мы в третий раз были на пятничной вписке* в Каппа Сигма, и каждый раз я хотела это сделать, однако трусила.

Но не сегодня.

Сегодня я решила быть взрослой девочкой.

Пара бутылок пива, которые я пропустила раньше на «Гатор Гроул» — флагманской вписке десятки лучших университетов, — развязали мне руки.

— Лана? — Оливия тянет меня за локоть. — Что ты делаешь?

* Вписка — вечеринка (здесь и далее — примечания переводчика, если не указано иное).

— Танцую, — отвечаю я, скидывая обувь. Моя соседка по комнате смотрит на меня во все глаза, я же одариваю ее кривой ухмылкой.

Вечер пятницы — единственное свободное время на неделе, моя последняя возможность оторваться, и я намерена взять максимум от сегодняшнего вечера.

Я ускользаю от Оливии в направлении барной зоны в задней части цокольного этажа. По слухам, все это место было построено несколько лет назад на щедрые пожертвования от выпускников. Другая часть цокольного этажа вмещает несколько бильярдных столов, настольный футбол, кучу кресел-мешков и низких диванчиков, а также первоклассную стереосистему. Я сунулась туда однажды и почти потеряла сознание из-за едкого сигаретного дыма, витавшего в воздухе. Это место — центр танцев и выпивки, и сейчас мне здесь гораздо комфортнее.

Я никогда не выпивала много, но позволяла себе пропустить пару стаканчиков по пятницам в качестве некоей награды за то, что из кожи вон лезла всю неделю.

Вдоль задней стены тянулась длинная стойка. Позади были встроены ряды полок с отдельным пространством под кеги и закутки, заполненные бокалами и прочей атрибутикой, связанной с выпивкой. Это не полноценный бар, но кое-что получше.

Местные вписки легендарны, и каждый хотел бы получить приглашение. Райли — парень Лив с предпоследнего курса, с которым она недавно начала

отношения, — живет здесь, так что мы были автоматически и бесспорно приглашены.

Начало традиции танцевать на барной стойке было положено несколько лет назад двумя выпускницами — девчонками из ближайшего общежития, которые однажды ночью разбились. Это стало почти таким же легендарным трендом, как сами вписки.

Прежняя я даже не мечтала бы сделать что-то настолько сумасшедшее.

Новая я не могла дожждаться, когда моя задница окажется на этой стойке. Сегодня вечером я собиралась принять почетный вызов, и к черту последствия.

Весьма неэлегантно и пошатываясь, я поднимаюсь на барную стойку, ловя равновесие. Снимаю рубашку и бросаю ее в Оливию, а из тесной толпы раздаются ободряющие громкие возгласы. На мне белая обтягивающая майка с тонкими бретельками и кружевом по нижнему краю, доходящая до подола короткой джинсовой юбки. Кожа, обычно бледная, потемнела от загара, полученного летом у бассейна в роскошном доме моих бабушки и дедушки.

Бедрa покачиваются сами по себе, и я смотрю в сторону, обмениваясь ослепительными улыбками с изящной рыженькой, танцующей рядом. Мы улыбаемся друг другу под быстрый качающий ритм. Откинув волосы за спину, я плавно двигаю плечами вверх и вниз и получаю несколько одобрительных пересвистов.